

УДК 94= (470.23)
DOI 10.17223/19988613/41/8

В.А. Орав

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОЛХОЗНИКОВ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА В 1940-х гг.

Рассматриваются доходы колхозников-переселенцев на Карельском перешейке в условиях предоставления государством налоговых льгот переселенческим колхозам. Проанализированы статистические сведения о распределении продукции в колхозах и о хозяйственном устройстве колхозников. Автор приходит к выводу о том, что оплата труда колхозников в переселенческих колхозах производилась в тех же размерах и по тем же принципам, как и во всех прочих колхозах и наличие налоговых льгот фактически не сказывалось на материальном положении членов артелей.

Ключевые слова: переселения; налоговые льготы; колхозы; трудодни.

Неотъемлемой составной частью социально-экономической политики Советского государства была организация плановых переселений сельского населения с целью более полного экономического освоения малообжитых и слаборазвитых районов СССР. В период после Великой Отечественной войны осуществлялось планомерное развитие Карельского перешейка Ленинградской области – территории, окончательно перешедшей от Финляндии к СССР в 1944 г. Важнейшую роль в данном процессе играли организованные переселения колхозников на перешеек из других областей РСФСР. Эффективность переселений напрямую зависела от уровня жизни мигрантов на новом месте [1. С. 108]. Для обеспечения наилучшей закрепляемости переселенцев последним предоставлялся ряд льгот. Особой разновидностью льгот являлось освобождение на определенный период колхозов и колхозников от налогов, страховых платежей и обязательных поставок государству, закрепленное постановлением ЦИК и СНК СССР 17 ноября 1937 г. «О льготах по сельскохозяйственному переселению» [2. Ст. 352]. На Карельском перешейке колхозы и колхозники освобождались от натурального и денежного обложения сроком на три года [3. С. 116].

Доходы крестьянского хозяйства складывались (если не считать неземледельческих заработков и отходничества) из двух основных составляющих: натуральной и денежной оплаты за участие в колхозных работах по трудодням и поступлений от личного подсобного хозяйства. Последние, как правило, являлись основным источником доходов крестьян, поскольку зачастую оплата труда в общественном хозяйстве не производилась [4. Р. 113–114]. Теоретически, налоговые льготы должны были улучшить материальное положение сельских тружеников, выдачи на трудодни должны были быть больше, чем в колхозах, не имевших преимуществ в натуральном и денежном обложении. Таким образом, поступления от общественного хозяйства в этих условиях должны были стать если не основным, то важным источником средств к существованию для крестьянских семей. В пользу этого, на первый взгляд, говорят воспоминания ряда первых переселенцев: на

Карельском перешейке «легче прожить было», колхозы налогами не облагались, на трудодни давали достаточное количество хлеба, молока, а иногда даже поросят [5. С. 158].

В настоящей статье автор на основе документов партийных и советских органов рассматривает взаимосвязь между предоставлявшимися государством льготами и доходами колхозников от общественного хозяйства. Относительно подобной взаимосвязи между налоговыми льготами и доходами от личного хозяйства надо сказать, что этот вопрос заслуживает дальнейшего, более углубленного изучения в силу особенностей источниковой базы: в архивных документах содержится относительно мало информации о личных подсобных хозяйствах колхозников.

Следует отметить, что практике организованных переселений в СССР посвящено довольно значительное количество публикаций, в том числе и переселениям на Карельский перешеек, однако проблема зависимости доходов от труда в общественном хозяйстве и наличия налоговых льгот специально еще не рассматривалась [6–8]. Чтобы оценить влияние льгот на материальное положение колхозников, необходимо определить, каким образом продукция распределялась в колхозах и какая ее часть оставалась непосредственным производителям. В нашем распоряжении имеются сведения, позволяющие судить о принципах распределения, представленные статистическими разработками годовых отчетов правлений колхозов, справками о хозяйственном устройстве переселенцев и докладными записками о положении в колхозах.

В качестве хронологических рамок избран период с 1945 по 1948 г., трехлетний период, в течение которого колхозы не облагались натуральными и денежными повинностями. Каждая сельскохозяйственная артель привлекалась к уплате налогов и выполнению поставок по мере истечения трехлетнего срока с момента ее образования. Поскольку на Карельском перешейке не было колхозов, организованных ранее января 1945 г., то в течение рассматриваемого промежутка времени все колхозы существовали на льготных условиях [9. Л. 75–77].

Благосостояние колхозников перешейка имело большое политическое значение для партийных и советских руководителей области. Секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П.С. Попков говорил на заседании бюро обкома 1 августа 1947 г.: «Мы заселяем по решению ЦК партии Карельский перешеек коренными русскими колхозниками, имеем установку от ЦК партии сделать этих колхозников зажиточными, имеющими в изобилии все. Колхозник на Карельском перешейке должен жить лучше, чем в каком-либо другом участке Ленинградской области, да и не только Ленинградской области. Почему? Да потому, что они живут на границе» [10. Л. 10]. Тем не менее обеспечить зажиточную жизнь не удавалось. В 1945 г. урожайность была ниже, чем в остальных районах области: по зерновым 9,3 ц с га, по картофелю – 93 ц против 10 и 107 ц соответственно, а оплата трудодней была почти в 4 раза ниже, чем в среднем по области, и составляла на одного принимавшего участие в колхозных работах человека в год 3 пуда хлеба, 6,5 пудов картофеля и овощей и 80 руб. деньгами. Такие невысокие показатели в немалой степени наряду с низкой трудовой мотивацией обуславливались специфическими почвенно-климатическими условиями перешейка, неизвестными большинству переселенцев. Требовалось некоторое время, чтобы освоиться в новых условиях [11. Л. 18].

Наряду с этими абсолютными цифрами первостепенное значение имеют сведения, позволяющие судить о принципах распределения продукции общественного хозяйства в колхозах. Это сводные таблицы за 1945 г. о производстве продукции полеводства и ее расходовании в среднем на один колхоз, составленные в аппарате Леноблисполкома на основе годовых отчетов правлений колхозов [12. Л. 333].

Анализ данных таблиц позволяет утверждать, что колхозники Карельского перешейка получили зерновых, картофеля и овощей вместе взятых даже меньше, чем в остальных районах области, приблизительно 14% против 21%, а с учетом сверхваловой продукции еще меньше. Отсюда также видны причины такого положения. В большинстве районов области распределение продукции производилось в следующей пропорции: 32% изымалось по государственным поставкам, 3% уходило на натуроплату МТС, 2% на возврат семенных ссуд, еще 29% и 16% закладывались в семенной и фуражный фонд соответственно и около 0,8% было продано. В то же время колхозы перешейка, хотя и были освобождены от обязательных поставок, а доля натуроплаты МТС была незначительной, эти льготы с лихвой компенсировались возвратом семенных ссуд, на который уходило без малого 46% урожая. Значительная доля также уходила на семена. Столь большой расход продукции на пополнение семенного фонда и погашение семенных ссуд был связан с тем, что перед колхозами была поставлена задача довести сельское хозяйство перешейка по основным показателям до довоенного уровня уже к 1948 г., а по освоению посевных

площадей – к 1947 г. [13. Л. 22]. Вполне очевидно, что решение данной задачи производилось в ущерб обеспечению устойчивого материального положения членов колхозов.

Приведенные выше данные являются средними значениями для районов перешейка и в целом по области. Более конкретно о распределении можно судить по данным, полученным из годовых отчетов правлений четырех колхозов за тот же 1945 г.: «Идеи» и «Вперед» Волосовского района, «Искры» Яскинского района, «Памяти Ильича» Райволовского района. Два последних были расположены на Карельском перешейке. В колхозе «Идея» из 836 ц урожая выдано на трудодни 289 ц, или 34,5%; 301 ц, или 36%, были заложены в семенной фонд, 140 ц было определено на фураж (около 17%). Остальное было сдано государству или израсходовано на натуроплату МТС. В колхозе «Вперед» из 395 ц было выдано колхозникам всего 32 ц (8%), 203 ц заложено на семена (51%) и 72 ц – на фураж (18%), и только 107 ц (27%) сдано государству и оплачено за работу МТС. Тем временем в колхозе «Искра» был получен урожай 225 ц. Хотя здесь не производились ни сдача зерна государству, ни оплата услуг МТС, в «Искре» на трудодни было выдано 28,5 ц (13%), 88,5 ц (39%) ушло на возврат ссуд, 86,3 ц заложено на семена (38%). В колхозе «Память Ильича» было получено 92,4 ц урожая, из которого выдачи на трудодни не производились. 72,2 ц (78%) было заложено на семена, и оставшийся хлеб ушел на возврат ссуд и корм скоту. Распределение картофеля выглядит следующим образом: в «Идее» 19% было сдано государству, 33% заложено на семена, 43% выдано на трудодни; в колхозе «Вперед» 52% было сдано государству и 48% заложено на семена. В «Искре» 44% ушло на возврат ссуд, 35% – на семена и корм скоту и лишь 12% выданы на трудодни, в «Памяти Ильича» 82% на семена и 18% на фураж, а трудодни не оплачивались [12. Л. 328].

Отдельного рассмотрения также заслуживает распределение продукции животноводства на перешейке в сравнении с другими районами области. Она расходовалась на сдачу по обязательным поставкам, продажу по контрактации и на колхозном рынке, общественное питание, производственные нужды и, наконец, выдавалась на трудодни. Эти цифры надежны в меньшей степени, нежели в случае с полеводством, поскольку не совсем ясен характер расходов молока на производственные нужды. Скорее всего, какая-то его часть, выражаясь языком того времени, была разбазарена под видом кормления телят, поэтому люди могли реально получать больше продукции, чем им формально полагалось. Общественное питание считалось разбазариванием в чистом виде. Как указывал в августе 1949 г. представитель Совета по делам колхозов при Правительстве СССР по Ленинградской области В. Васильев, «в колхозах Ленинградской области в период сенокоса и уборки большое распространение имеет расхищение общественного добра под видом так называемого бес-

платного общественного питания. Для этого общественного питания убиваются сотни голов скота, расходуются переходные и страховые фонды, идет самая ценная продукция, могущая принести большой денежный доход колхозу при реализации ее на рынке» [14. Л. 100]. Что же касается сумм, вырученных от продажи продукции на рынке, то они, как правило, оседали в карманах колхозных руководителей и их приближенных: «Проверка показала, что у большинства колхозов значительные суммы денег не проходят через банк, а хранятся у казначея, председателя, счетовода или у др. членов колхоза. <...> У председателя колхоза тов. Мухина оказалось на руках 5 243 руб., а в кассе колхоза 1 017 руб. Такие факты не единичны» [Там же. Л. 96–97]. Колхознику Фаринову поручили продать на колхозном рынке 110 кг мяса. Вырученные 1 100 руб. он присвоил себе, точно так же поступил колхозник Ложкин и т.д. [15. Л. 165]. Поэтому трудно однозначно судить о том, какая часть произведенной продукции фактически была получена непосредственными производителями, в данном случае можно объединить выдачи на трудодни, общественное питание и расходы на производственные нужды. Если взять эти расходы молока в совокупности, то на перешейке они составляли не более 48%, а в остальных районах – 47%. Исходя из этих соображений, также можно думать, что колхозниками употреблялось не более 22% произведенного ими мяса в среднем по области и не более 20% на перешейке. Такой высокий вероятный уровень потребления был достигнут за счет нарушения существовавших ограничений. Законные выдачи на трудодни были совершенно незначительны: молока – 8% в большинстве районов и 1% в районах перешейка, а мяса – по 12% в целом по области и на перешейке [12. Л. 327].

Таким образом, несмотря на то что колхозы перешейка формально были освобождены от налогов и обязательных поставок, в руках государства имелось достаточно дополнительных средств изъятия сельскохозяйственных продуктов из деревни. Одним из таких средств была контрактация, как правило носившая принудительный характер¹. Так, два колхоза в Волоновском районе отдали государству по обязательным поставкам от 75 до 90% урожая. На Карельском перешейке овощи, как и другая продукция, по государственным поставкам не взимались, однако в «Искре» Якинского района из 35 ц урожая овощей было продано 13 ц (37%), а в «Памяти Ильича» – 94,5 ц из 100, т.е. почти все [Там же. Л. 328]. Не освобождались колхозы перешейка от уплаты гарнцевого сбора и натуроплаты МТС [16. Л. 178].

Помимо этого, государство было склонно изменять заранее установленные «правила игры». Первоначально переселенцы и организованные из них колхозы, как это и официально провозглашалось, освобождались от всех без исключения денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок, им списывались все недоимки, однако уже с 1946 г., по постановлению Со-

вета министров СССР, на них были возложены обязательные молокопоставки [11. Л. 24]. Следует отметить, что аналогичным образом осенью 1945 г. были отменены льготы для хозяйств погибших красноармейцев: «Для большинства людей это было как снег на голову. О повышении сельхозналога и госпоставок узнавали от налоговых агентов» [17. С. 45]. Последующие партии переселенцев также освобождались на три года с момента вселения от натуральных повинностей за исключением молокопоставок [18. Л. 119]. В марте 1947 г. в районной газете Раутовского района появилось предупреждение для владельцев скота, не выполнивших обязательных поставок. Речь шла об осуждении народным судом колхозниц Е.А. Бурковой и Д.М. Ивановой, не рассчитавшихся молоком за 1946 г. Суд приговорил к уплате штрафа: Буркову – в размере 1 176 руб., а Иванову – 672 руб. [19].

Следствием всех этих мер стало то, что средние выдачи продуктов на человека оставались крайне низкими и спустя несколько лет после организации колхозов. В апреле 1948 г. органами Министерства государственного контроля РСФСР была проведена проверка хозяйственного устройства колхозников-переселенцев в пяти сельскохозяйственных артелях Райволовского района. По данным контролеров, в среднем из урожая 1947 г. трудоспособные колхозники получили 840 г зерновых, 900 г картофеля, 450 г овощей и 76 копеек деньгами. В некоторых колхозах, таких как «Верный путь», колхозники получили только 298 гр. зерновых, 53 г овощей, 16 копеек деньгами; в колхозе «1 мая» было выдано только 500 г зерновых. Материальное положение колхозников характеризовалось контролерами как тяжелое во всех колхозах. В колхозе «Красное знамя» за I квартал 1948 г. было 35 случаев отказа и невыхода на работу. Председатель этого колхоза Ф.Д. Ракитин писал: «Причиной нарушения трудовой дисциплины является отсутствие продовольствия у колхозников». В колхозе «Победа» 17 апреля 1948 г. колхозницы Е.И. Базарова, Н.И. Понаморева и А.Л. Ключникова отказались выйти на работу и уехали в Ленинград за хлебом. Бригадир Д.А. Куликов писал об этом случае: «Проживая в колхозе с 1945 г., я, как бригадир, направляю колхозников на работу, колхозники допускают отказ вследствие плохого питания. Хлеба нет, картофель кончается. Колхозники самовольно уезжают в город за отрубями для питания». О том же сообщал председатель колхоза «1 мая» М.Н. Доровских: «Имело место [много] невыходов на работу колхозников по причине недостатка продуктов питания» [20. Л. 7–8].

Таким образом, на основе всего изложенного выше можно сделать вывод о том, что, несмотря на налоговые льготы, положение переселенцев на Карельском перешейке мало отличалось от положения остальных колхозников. Оплата по трудодням в колхозах перешейка производилась по остаточному принципу так же, как и в не имевших льгот сельскохозяйственных артелях других

районов. Приемлемые размеры выдач на трудодни могли достигаться только за счет хищений. У государства имелось достаточно способов обходить установленные «правила игры». Вместе с тем политика по отношению к

крестьянству носила односторонний характер: возлагая обязательства на население, государство, изменяя размер предоставляемых льгот, не считало нужным следовать со своей стороны каким-либо договоренностям.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ О принудительности контрактации 20 июля 1945 г. говорил заместитель председателя Леноблисполкома М.А. Таиров: «Мы увеличим поголовье тогда, когда крестьянин будет заинтересован вырастить теленка, а сейчас он не успеет вырастить, как у него забирают по контрактации чуть не даром» [16. Л. 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернов А.С. Переселенчество как миграционная политика государства // Вестник Московского государственного университета. Сер. 6. 2005. № 4.
2. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. 1937. № 73.
3. В «новых районах». Из истории освоения Карельского перешейка 1940–1941, 1944–1950 гг. / авт.-сост. Е.А. Балашов и В.Н. Степаков. СПб.: Нордмедиздат, 2001.
4. Kenz P. A History of the Soviet Union from the Beginning to the End / Sec. edit. Cambridge: Univ. press, 2006.
5. Граница и люди: воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка / сост. В.Ю. Макарова и др. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005.
6. Большакова Г.И. Заложники новой границы: проблемы заселения и освоения Карельского перешейка в 1940–1960-х гг. СПб.: Астерион, 2009.
7. Кривошеев Ю.В. Советские переселенцы на Карельском перешейке и начало Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 133–137.
8. Герашенко Л.В. Переселенческая политика Советского государства на Карельском перешейке в 1940–1950-х гг. в документах Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 141–148.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2. Д. 6708.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 6355.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 7. Д. 1020.
12. Центральный государственный архив С.-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 47. Д. 2.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5517.
14. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 318.
15. ЦГА СПб. Ф. 8823. Оп. 1. Д. 50.
16. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5626.
17. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1996.
18. ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 45. Д. 27.
19. Михайлов, народный судья. За невыполнение государственных поставок под суд // Сталинское слово. 1947. 26 марта.
20. ЦГА СПб. Ф. 8824. Оп. 1. Д. 136.

Orav Vladimir A. S.-Petersburg State University (S-Petersburg, Russia). E-mail: v.orav@yandex.ru

TAX PRIVILEGES AND WELFARE POSITION OF COLLECTIVE FARMER IN THE KARELIAN Isthmus IN 1940s.

Keywords: resettlement; tax privileges; collective farms; work-day.

In the post-war period the systematic developing of the Karelian isthmus in Leningrad region was realized. The Karelian isthmus is territory, which was ceded by Finland to the USSR in 1944. Organized migrations of collective farmers from another RSFSR regions play a important part in this process. For the purpose of maximal effectiveness of the migrations a number of benefits was rendered to migrants. Temporary release of collective farmers and farms from taxes, insurance payments and obligatory deliveries to the state was a special kind of benefits. Theoretically, the fiscal benefits had to improve welfare position of peasants. In this article the author considers a correlation between the rendering by the state benefits and collective farmer's incomes from socialist economy. For assessment of benefit's influence on collective farmers' welfare position the author scrutinized the production distribution and the amount of wage in collective farms. The article based on analyzing of annual collective farms' administration accounts statistical dates, reports about migrants' economic provision and memorandas about juncture in country. The analyze enables to assert that the collective farmers of the Karelian isthmus got less grains, potatoes and vegetables than collective farmers in another districts. The benefits were leveled by returning of seed loans and replenishment of planting resources. Tommies for units of work on collective farms were also absolutely insignificant. Moreover, the state had few additional tools for withdrawal of products from country. One of these tools was a contracting, which was, as a rule, coercive. The state had an inclination to change primary established "game rules". Initially, the migrant's collective farms were released from all (without exclusion) taxes, insurance payments and natural deliveries. There were written off debts for them. However, the collective farms were obliged to carry out imperative milk delivering already in 1946 according to governmental statement. As a consequence, wages were small. Able bodied collective farmers got 840 grams of grains, 900 grams of potatoes, 450 grams of vegetables and 76 kopeks according to verification made by the RSFSR Ministry of state control organs in five collective farms of Raivola district in April 1948. Thus, a conclusion can be made on hereinbefore explained assertions that welfare position of peasants on the Karelian isthmus varied little from others collective farmer's position despite of the benefits. Payment executed according to a residual principle.

REFERENCES

1. Chernov, A.S. (2005) Pereselenchestvo kak migratsionnaya politika gosudarstva [Migration as the policy of the state]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 6. 4.
2. The Collection of Laws and Regulations of the Workers 'and Peasants' Government of the USSR. 1937. № 73.

3. Balashov, E.A. & Stepanov, V.N. (eds) *V "novykh rayonakh". Iz istorii osvoeniya Karel'skogo peresheyka 1940–1941, 1944–1950 gg.* [In the "new areas". From the history of development of the Karelian Isthmus, 1940–1941, 1944–1950]. St. Petersburg: Nordmedizdat.
4. Kenez, P. (2006) *A History of the Soviet Union from the Beginning to the End*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Makarov, V.Yu. et al. (eds) (2005) *Granitsa i lyudi: vospominaniya sovetskikh pereselentsev Priladozhskoy Karelii i Karel'skogo peresheyka* [The frontier and people: Memoirs of Soviet immigrants in Karelia near Ladoga and the Karelian Isthmus]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
6. Bolshakova, G.I. (2009) *Zalozhniki novoy granitsy: problemy zaseleniya i osvoeniya Karel'skogo peresheyka v 1940–1960-kh gg.* [Hostages of the new frontier: The problem of settlement and development of the Karelian Isthmus in the 1940–1960-s]. St. Petersburg: Asterion.
7. Krivosheev, Yu.V. (2011) "For the reason of evacuation from the region . . .": Soviet migrants on the Karelian Isthmus and the beginning of the Great Patriotic War. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 133–137. (In Russian).
8. Gerashchenko, L.V. (2011) The Soviet State Policy of Resettlement on the Karelian Isthmus in 1940s–1950s (research based on the Vyborg archive documents). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2. pp. 141–148. (In Russian).
9. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 24. List 2. File 6708.
10. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 24. List 2. File 6355.
11. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 24. List 7. File 1020.
12. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 7179. List 47. File 2.
13. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 24. List 2. File 5517.
14. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 24. List 49. File 318.
15. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 8823. List 1. File 50.
16. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 24. List 2. File 5626.
17. Zima, V.F. (1996) *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdienie i posledstviya* [The famine in the USSR in 1946–1947: The cause and consequences]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
18. The Central State Archive of St. Petersburg. Fund 7179. List 45. File 27.
19. Mikhaylov. (1947) *Za nevypolnenie gosudarstvennykh postavok pod sud* [On the dock for failure to fulfill state deliveries]. *Stalinskoe slovo*. 26th March.
20. The Central State Archive of St. Petersburg. Fund 8824. List 1. File 136.